

ЗАШИСКИ

**ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

III

1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Н. Н. ПОПЕ

Проблемы бурят-монгольского литературоведения

I

В то время, как исследование бурят-монгольского языка за последнее время сделало большие успехи, в результате которых бурят-монгольское языкознание, выделившееся в самостоятельную отрасль, прочно стало на ноги, изучение бурят-монгольской литературы до настоящего момента, как можно смело утверждать, еще даже не начиналось.

Изучение литератур монгольских народностей, т. е. халха-монголов, монголов Внутренней Монголии и т. д., занимает в монголоведении вообще весьма скромное место. До настоящего времени мы не имеем ни одного литературоведного исследования в точном смысле этого слова, ибо то немногое, чем мы располагаем, представляет собой отчасти филологические работы, критические издания текстов с переводами и филологическими комментариями и отчасти общие обзоры отдельных видов литературных произведений. Следует особо отметить два момента, которые на наш взгляд являются весьма серьезными недочетами тех незначительных монголоведных попыток приблизиться к литературоведению, которые до сих пор делались.

Первый недочет — это не совсем правильное понимание предмета литературоведения. В самом деле, что является предметом литературоведения? Является ли каждое произведение, написанное на данном языке, предметом литературоведных изысканий? Если да, то предметом литературоведных исследований мы должны были бы признать и канцелярскую отписку, и правительственное постановление, и сказку, и песню, не делая никакой разницы между содержанием таких произведений и полностью игнорируя внешнюю форму таковых. Едва ли есть надобность в том, чтобы доказывать, что далеко не каждое произведение, написанное на монгольском языке, является предметом монгольского (в широком смысле слова) литературоведения, и что таковым является лишь такое произведение, которое входит

в разряд художественной литературы. Между тем, если мы возьмем хорошо известные «Лекции по истории монгольской литературы» А. М. Позднеева, или пользующийся большой популярностью «Очерк монгольской литературы» Б. Лауфера, мы увидим, что авторы названных сочинений не делают никакой разницы между посланием Ильхана Аргуна Филиппу Красивому, каменописным памятником Чингисхана, Данджуром, с одной стороны, и рассказами Волшебного мертвеца, подвигами Гесер Хана, сказанием о Викрамадитья и т. д. — с другой стороны, хотя в число названных сперва памятников входят дипломатическая переписка, эпиграфика и энциклопедические сочинения, а в разряд названных последними входят сплошь произведения художественной литературы. Таким образом первый недочет прежних литературоведных попыток монголистов заключается в неразличении истории литературы и истории письменности, в подмене литературы письменностью в широком смысле этого слова и в непонимании задач литературоведения как науки, имеющей своим объектом лишь художественные произведения. Справедливость все же требует отметить, что этой ошибки не делал в свое время Б. Я. Владимирцов, лишь попутно коснувшийся в своей статье «Монгольская литература» (сборник «Литература Востока», вып. II. Петербург, 1920) произведений, не входящих в разряд художественных. Нам кажется, что после всего сказанного является довольно ясной необходимость разграничения понятий литературоведение и история письменности. Объектом литературоведения должны быть безусловно только художественные произведения, только художественная литература в целом, а философская, медицинская литература, сборники законов и т. д., должны быть предметом истории монгольской науки, правоведения и т. д.

Второй недостаток — общий всем прежним работам в интересующей нас области, это стремление рассматривать литературы всех монгольских народностей как единую литературу, как одну литературу.

Говоря о тех или иных произведениях, авторы прежних работ не делали разницы между литературными произведениями, созданными среди внутренних монголов, халха-монголов, бурят или калмыков. Сумма произведений всех этих народностей представляла собою монгольскую литературу. Для некоторых периодов такой подход, может быть, был не так уже неправилен, напр., для периода XIII—XIV ст., когда существовала монгольская империя, в которую входила значительная часть монгольских народностей. В отношении всех же последующих периодов такой подход нас совершенно не удовлетворяет. И чем ближе к современности, тем все менее и менее он нас будет удовлетворять. В самом деле, что может иметь общего

в идеологическом отношении современная бурят-монгольская художественная литература с литературой внутренних монголов? С одной стороны, мы имеем социалистическую советскую республику, успешно завершающую коллективизацию сельского хозяйства и достигшую больших успехов также на других участках социалистического строительства, а с другой стороны, мы имеем феодальную страну, колонию китайского торгово-ростовщического капитала и японского империализма. Ясно, что эти две литературы имеют идеологически мало общего. Что имеют общего, с другой стороны, современная калмыцкая и бурятская литература? Калмыки и буряты входят в состав СССР и обе народности одинаково успешно осуществляют у себя построение социализма, но нельзя забывать того, что, строя социалистическую по содержанию культуру и имея в этом отношении много общего, они строят национальные по форме культуры. Ясно, что национальные формы их социалистической по содержанию культуры неминуемо должны сказаться и на художественной литературе. Таким образом говорить об единой монгольской литературе в наш период не приходится. Не приходится о ней говорить и в отношении периода XVII—XVIII ст., когда начала проникать письменность к бурятам, когда появилась ойратская письменность и т. д. Повторяем, особенно ярко бросается в глаза невозможность говорить об единой монгольской литературе теперь, когда буряты и калмыки перешли на латинский алфавит и на литературные языки на основе их разговорных живых языков. Правда, следует в защиту прежних авторов заметить, что отчасти их вводило в заблуждение то обстоятельство, что вся дореволюционная литература большей части монгольских народностей была написана на общемонгольском письменном языке. Очевидно общность языка этой литературы повлияла на то, что литература бурят и прочих монгольских народностей стала восприниматься как нечто единое целое. При тогдашнем состоянии наших знаний это обстоятельство являлось до известной степени извиняющим обстоятельством, но нужно все же отметить, что языковое единство, единство языка письменности монгольских народностей является и в прошлом весьма относительным. Уже древнейшие произведения бурятской литературы обнаруживают в своем языке следы сильного влияния со стороны живого разговорного бурятского языка. И такие же следы влияния разговорного языка мы обнаруживаем в литературных произведениях, появившихся в разных местах Внутренней Монголии и т. п. Единого письменно-монгольского языка давно уже нет и его место уже давно заняли областные местные письменные языки. Так особый местный письменный язык существовал у бурят, халха-монголов, у хара-

чин и туметов и т. д. В частности, хорошо известное произведение «Подвиги Гесер хана» выдает очень сильно свое южно-монгольское происхождение, вернее южно-монгольское происхождение перевода этого произведения с тибетского языка. Пока мы говорили только о языковой стороне. Следует, однако, особенно отметить и подчеркнуть, что своеобразие бурятской литературы отнюдь не в одном лишь языке, но главным образом в конкретных весьма специфических особенностях идеологического содержания произведений этой литературы. Укажем здесь на один весьма специфический вид литературных произведений, а именно на так называемую шаманскую литературу, о которой придется говорить подробно дальше. Этот вид произведений, правда, не чужд литературе даже внутренних монголов, но у бурят он носит свои весьма резко выраженные черты. Таким образом, хотя язык является весьма характерным признаком бурятских литературных произведений, внутреннее содержание для нас является еще более существенным признаком.

После сказанного, как будто, становится довольно ясным, что монгольскую литературу мы не можем считать единой и, наоборот, должны говорить о литературах внутренних монголов, халха-монголов, бурят и т. д., как весьма сильно отличающихся друг от друга и обладающих своими очень резкими специфическими чертами. Необходимо, конечно, иметь в виду также взаимные связи этих литератур, отчасти унаследованные от прошлого, отчасти устанавливающиеся теперь.

Прежде чем перейти непосредственно к основной теме, необходимо еще коротко остановиться на одном вопросе, играющем для нас немало важную роль, а именно на вопросе об отношении переводной литературы к оригинальной. Дело в том, что часто приходится слышать, будто литературы монгольских народностей очень бедны, что в них преобладают произведения переводные, что своих оригинальных произведений очень мало. Отчасти это, в отношении прошлых периодов, справедливо. Действительно, значительная часть старых литературных произведений, имеющих на письменном монгольском языке, является переводной, неоригинальной. Подлинники этих произведений в большинстве случаев либо тибетские, либо санскритские, либо китайские. Но в связи с этим возникает вопрос: можно ли такие переводные, неоригинальные произведения считать предметом монгольского литературоведения? На наш взгляд, не только можно, но и должно. Дело в том, что в литературе любого народа имеются такие произведения, значение которых давно выросло за пределы национальных рамок и которые стали достоянием мировой литературы. Шекспир, Толстой, Гёте, Гейне

имеют не локальное, не узконациональное значение, но принадлежат человечеству в целом. Конечно, мы правы, когда Толстого изучаем в плане истории русской литературы, но переводы произведений Толстого на другие языки с полным правом могут считаться объектом данного литературоведения, поскольку каждое произведение мировой литературы, ставшее интернациональным, имеет в каждой стране свою судьбу, вызывая там местные литературные явления, национальные отклики и влияя на данные национальные литературы. С этой точки зрения мы вправе включить в круг вопросов, подлежащих разрешению со стороны бурятского литературоведения, также переводные произведения, если они действительно вошли в бурятский литературный обиход, акклиматизировались там и сумели вызвать в данной национальной среде местные литературные явления, представляющие собою некое окружение для данного переводного произведения. Это все тем более так, что практика изучения таких произведений показала, что большинство переводов художественных произведений на монгольский язык является не просто переводами, но переработками, своего рода особыми версиями. Такова, напр., Гесериада, в основе которой лежат хорошо известные по изданию Шмидта эпизоды, представляющие собою целый цикл эпических произведений, проникших даже в бесписьменную среду и породивших там ряд произведений устного творчества, другими словами проникших в фольклор: вспомним западно-бурятский цикл *Geseri juhen halaa* «Девять ветвей Гесера». Наконец, упомянем еще одно обстоятельство. Изучая монгольский перевод того или иного тибетского или китайского произведения, мы вправе прежде всего поставить вопрос, с какой целью этот перевод был сделан и для кого, чей социальный заказ выполнял переводчик. Ведь если это произведение появилось на монгольском языке, то, очевидно, существовали какие-то предпосылки для этого. Никому не нужного, никому ничего не говорящего произведения не станут ведь переводить. Очевидно какой-то класс, какая-то социальная прослойка были заинтересованы в появлении такого перевода. А разве этот вопрос безразличен для бурятского литературоведения?

II

Итак, существует бурятская литература.

Изучая ее историю, мы в качестве объекта своих исследований должны иметь бурятскую художественную литературу, со включением также той переводной, которая вошла в историю бурятской литературы.

Как известно, бурят-монголы недавно перешли на латинский алфавит и на новый литературный язык на основе живого разговорного языка. На этом новом литературном языке уже имеется богатая литература, в том числе и художественная. До перехода на латинский алфавит и на новый литературный язык часть бурят-монголов, а именно все восточные буряты, пользовались, как сказано было выше, монгольским алфавитом и письменным монгольским языком. Таким образом на протяжении своей истории буряты пользовались двумя письменностями и двумя литературными языками, которые теперь еще до известной степени сосуществуют, правда, не находясь на одинаковых правах. В связи с этим укажем, что многие отрицают за старой письменностью какое бы то ни было право считаться бурятской и ссылаются при этом на несоответствие языка старой письменности живому разговорному языку. Иногда приходится слышать, что до латинизации буряты вообще не имели своей национальной письменности, а следовательно, и литературы. Нам кажется, что так ставить вопрос нельзя. Прежде всего укажем, что в особенности при феодализме мы обычно и как правило наблюдаем, что пишут на литературных языках, имеющих весьма слабую связь с живым разговорным. Такое положение сплошь да рядом сохраняется и при капитализме. Вспомним средневековую Европу с латинским языком в качестве литературного в очень многих странах. Укажем на Германию, где литературный язык стоит и стоял довольно далеко от живых наречий населения отдельных областей Германии. В общем мы в большинстве случаев в капиталистических и докapiталистических странах наблюдаем глубокие расхождения между литературным языком и разговорной речью. Между тем едва ли придет кому-нибудь мысль отрицать существование в Германии своего немецкого литературного языка и немецкой литературы, ибо то, что наблюдается в этом отношении в Германии и аналогичных странах, есть одно из проявлений существующей там классово-национальной культуры, т. е. буржуазной по содержанию и национальной по форме культуры. Нет ничего особенного и выходящего из ряда в Бурят-Монголии, когда мы наблюдаем, что язык там существовавшей письменности стоял очень далеко от разговорной речи. Это первое. А во-вторых напомним еще раз, что язык монгольской письменности в Бурятии был не совсем тот же самый письменный монгольский язык, что, напр., в Халхе или во Внутренней Монголии, ибо он отличался местными особенностями, бурятизмами в лексике, синтаксисе и орфографии. Таким образом, изучая историю бурятской литературы, мы, с одной стороны, будем иметь в виду произведения, написанные на пись-

менно-монгольском языке, отличающемся все же своими специфическими местными бурятскими особенностями, а с другой стороны — такие произведения, которые написаны на новом литературном языке, внешняя форма которого в основном совпадает с внешней формой разговорного языка.

Далее следует заметить, что изучая художественную литературу писанную, т. е. литературу на том или ином языке, дошедшую до нас — будь то в виде печатного произведения или рукописи, мы не можем отмежеваться от устного народного творчества, фольклора. Отмежеваться от него мы не можем по следующим соображениям. Прежде всего известным является то обстоятельство, что литературные произведения часто проникают в массы и распространяются среди них устным путем, вызывая иногда варианты, иногда сохраняя свой первоначальный характер в изумительно нетронутом и неискаженном виде. В качестве примера этого приведем ряд народных бурятских революционных песен, являющихся вовсе не фольклором, не анонимным и коллективным творчеством, но произведениями совершенно определенных поэтов. Такова, напр., широко распространенная среди селенгинских бурят песня *Zabkalanta iderçyud*, часто слышанная там пишущим эти строки и записанная им, как народная песня, между тем как она является сочинением Bata Bazariin (см. *Buriaad mongaliin kubiskaliin duu. Eblыylegçed P. Berlinski, G. Naacav. Верхнеудинск, 1930 г., стр. 8*). Нам кажется естественным тот интерес, с которым литературовед прослеживает пути проникновения литературного произведения в массы и его дальнейшую судьбу. Добавим, что такое литературное произведение, проникнув в народную массу, часто даже в бесписьменную среду, подолгу сохраняется в ней почти в неизменном виде, но сплошь да рядом обрастает новыми эпизодами, изменяется и постепенно становится до неузнаваемости непохожим на свой прообраз. В качестве примера такой трансформации первоначального образа укажем западно-бурятскую Гесериаду: от первоначальной книжной версии кое-что еще сохранилось, но в основном это уже типичный бурятский улигер — рифмованная героическая былина, в которой еще наличествуют отдельные эпизоды книжной версии. И мы можем смело утверждать, что без изучения книжной монгольской версии Гесериады и ее тибетского прототипа, мы не в состоянии до конца разобраться в бурятской Гесериаде. С другой стороны, всякому, кто изучает книжные версии Гесериады, не устные, будет весьма интересно проследить все трансформации, которым первоначальная редакция подверглась, попав в бесписьменную среду. Таким образом для нас становится совершенно очевидным, что полностью отрывать литературу от фольклора мы в таких условиях не можем,

как не можем по этим же причинам и другим, уже выше указанным, делать какую-то разницу между художественной литературой на языке старой монгольской письменности и таковой на новом литературном языке на основе живой речи. Как мы увидим дальше, любой вид фольклора теснейшим образом связан с соответствующим видом письменной литературы и не понятен без изучения последней, как, наоборот, любой вид письменной литературы часто совершенно не понятен вне связи с соответствующим видом устного народного творчества.

III

Самым замечательным в области устного народного творчества бурят является улигер — богатырская былина, героическая эпопея. Когда и при каких условиях сложился этот героический эпос, мы в настоящее время не знаем. Первое, что бросается в глаза при изучении таких улигеров, это значительная взаимная близость их несмотря на сравнительно большое разнообразие основных сюжетов. Второе, что следует отметить, это известная близость тематики, а также внешней художественной формы к таковым героическим эпическим произведениям ойратов, а также халха-монголов. Таким образом перед нами встают две проблемы — сравнительное изучение бурятских улигеров и такое же сравнительное изучение их, с одной стороны, и героических былин других монгольских народностей — с другой стороны. Что общего имеют между собою бурятские былины? И прежде всего, что представляет собою бурятский героический эпос? Бурятский героический эпос, сохранившийся лучше всего среди западных бурят, уже почти исчез на востоке Бурятии. Интересно отметить, что и на западе былины сохранились далеко не везде в одинаковой степени. Наиболее богатыми былинами являются буряты племени булгат. Значительно меньше имеют их эхриты. Из отдельных районов, изобилующих ныне былинами, упомянем Унгу и Бохан. На территории б. Аларского ведомства (Олзо-Хига) мы констатируем сильное разложение героического эпоса, уже утратившего свою внешнюю стихотворную форму и превратившегося в прозаическое произведение. На востоке Бурятии особенно богатым былинами районом является Хилокский район. Лет 20—30 тому назад былины были распространены и в Аге, главным образом в Хара Шибире, но теперь их там уже не знают. Изучение географии былин и выявление причин сохранения или исчезновения их в отдельных районах еще не начато, между тем как это является чрезвычайно важным вопросом.

Типичная бурятская былина представляет собою внешне обязательно стихотворное произведение и размеры ее достигают обычно десяти и даже двадцати тысяч стихов. Для стиха самым характерным является аллитерация, причем аллитерируют не только начальные слоги каждой строки, но наблюдается также аллитерация внутри строк. До сих пор еще не решен вопрос о размере, так как количество слогов в строке и количество чередующихся ударных и неударных слогов не всегда одинаковое.

По своему содержанию былины распадаются на ряд циклов, среди которых особняком стоит цикл былин, составляющих Гесериаду, о которой необходимо будет поговорить подробнее несколько дальше в иной связи. В центре каждого цикла стоит одна какая-нибудь былина, вокруг которой группируются близкие по сюжету былины, представляющие собою как бы разные версии ее, как, напр., былина *Altan şagai* у аларских бурят, сюжет которой входит в былинку *Jeremei bogdo каан*. Несмотря на ряд специфических черт, былины различных циклов имеют много общего. Так, весьма типичным является содержание упомянутой былины *Jeremei bogdo каан*, сводящееся к следующему: у хана по имени Еремей богдо рождается малютка сын. В это время старший сын этого хана Идер Шулуи Мэргэн находится в отъезде. Вскоре после рождения малютки хана разоряет мифическое чудовище Мангатхай, забирающее хана и ханшу вместе с поданными в плен и уходящее со всем их имуществом. Малютка был наспех спрятан родителями в подземельи, куда его уложили в железную колыбель и где поставили около него бочку с молоком. Перед уходом родители оставляют письмо на имя старшего сына. Тот возвращается, видит письмо, открывает подземелье и обнаруживает там ребенка. Он берет на себя попечение о нем. Ребенок растет быстро, не по дням, а по часам. Когда братья играют, младший всегда оказывается более смышленным. Однажды он устраивает тайлган (жертвоприношение) верховному божееству Эсэгэ Малану и получает от него чудесного коня, полное вооружение и чудодейственную воду, которой он умывается, от чего становится исполином-богатырем. Когда он возвращается домой, брат его не узнает и лишь после долгих разговоров признает в нем своего брата. Вслед за тем младший брат — Галта Могой Мэргэн отправляется на выручку родителей. После долгих странствований и преодоления многих препятствий он достигает их, убивает Мангатхая и привозит родителей домой. За этим следует второй эпизод — сватовство старшего сына, оканчивающееся его гибелью. Младший едет на выручку брата, оживляет его живой водой и привозит его домой, вынудив отца его избранной выдать за брата дочь. Следует третий

эпизод — сватовство младшего сына. В результате интриги служанки избранная им красавица улетает на небо, а царь, отец ее, спасенный Галта Могой Мэргэном от своего врага и обещавший своему избавителю свою дочь, поставлен в очень трудное положение, из которого его выводит интригантка-служанка, предлагающая выдать ее за героя под видом ханской дочери. Свадьба совершается. Галта Могой Мэргэн удивляется нецарским поступкам своей жены, открывает постепенно обман и встречается с истинной дочерью хана. Играет вторичную свадьбу, после которой он возвращается к себе на родину.

Нас завел бы слишком далеко пересказ других былин, а потому мы ограничимся лишь этим конспектом.

При изучении былинного творчества первым делом поражает обилие различных напластований в былине. Там герой занимается главным образом охотой и отчасти является скотоводом. С другой стороны, около его дворца высится двадцатипятиглавый собор, буддийский дацан, расстилается базар с многочисленными лавками, где проворно торгуют приказчики. С одной стороны, герой пользуется луком и стрелами, но, с другой стороны, он одевается в жилетку и живет в доме с крыльцом, как зажиточный сибирский крестьянин. Мы не ошибемся, если отнесем сохранившиеся наиболее древние элементы бурятского эпоса к периоду разложения родового строя и зарождения феодализма. Что герой былины не вождь племени, а феодал, может быть феодал в становлении, показывают его чиновники, подданные и рать. Кроме того, он владеет частной собственностью в виде стад и дворца. Но во многом он еще сохранил черты вождя племени и еще недалеко ушел от родового строя, что понятно, ибо у бурят родовые пережитки вообще очень сильны. С другой стороны, лавки, базар, приказчики, соборы и т. д. элементы еще более новые и являются влиянием капиталистических элементов дореволюционной сибирской деревни. Можно, собственно говоря, даже не намечать подлежащих решению вопросов, до того выпукло выступают они сами на этом мало разработанном фоне.

Особый цикл представляет собой Гесериада. От былин остальных циклов ее отличает то, что главным героем ее является Гесер, совершающий ряд подвигов, характерных для книжной версии. Так, напр., обстоятельства, при которых родился и рос Гесер в записанной и изданной Ц. Ж. Жамцарано былине *Geser bogdo*, совпадают изредка до довольно мелких подробностей с тем, что мы читаем в монгольском тексте, изданном ксилографическим способом в Пекине при Кан-Си. В связи с этим считаем

нужным заметить, что отдельные сказания о Гесере широко распространены по всей Центральной Азии. Так, напр., Г. Н. Потанин записал ряд таких сказаний не только среди разных монгольских народностей, но также среди тюрков, а опубликованные Francke части тибетской версии Гесериады и принадлежащие Институту Востоковедения Академии Наук тибетские рукописи, содержащие две различные версии Гесериады, свидетельствуют о том, что Гесериада, в основном, имеет тибетское происхождение. Это особенно подтверждается недавно открытой монгольской версией Geser Ling, рукопись которой с недавних пор принадлежит Институту Востоковедения Академии Наук СССР. Эта версия является переработкой тибетской версии, перевод которой издан А. David-Neel и ламой Yongden (*La vie surhumaine de Guésar de Ling, le héros thibétain racontée par les bardes de son pays. Paris, 1931*). Подвиги Гесера настолько резко отличаются от обычных подвигов героев улигеров, что эпизоды Гесериады без всякого труда выделяются из прочей массы эпических произведений. Монгольских книжных версий Гесера много. Помимо изданных в свое время акад. Шмидтом первых семи глав по пекинскому ксилографу, существуют еще широко распространенные в рукописях восьмая и девятая главы и менее распространенные, тоже рукописные — десятая по пятнадцатую главу. Интересно отметить, что восьмая и девятая главы особенно часто встречаются в рукописях у бурят и у ойратов северо-западной Монголии, а десятая и следующие главы в Халхе. В Бурятии можно нередко встретить очень хорошие старые рукописи на синей бумаге с водяными знаками, восходящие к началу XIX ст., содержащие восьмую и девятую главы Гесера. Эти рукописи имели прежде, повидимому, большое хождение, и ставшая очень популярной Гесериада распространилась по всей Бурятии вплоть до крайнего запада, где распространялась устным путем за незнакомством западных бурят с монгольской письменностью. Повидимому, среди бурят другие главы, кроме первых девяти, не были распространены: недаром и западно-бурятские рапсоды знают лишь существование *Geseri juhen halaа*, т. е. «Девять ветвей Гесера», и не слышали о том, чтобы этих *halaа* могло быть больше. Другое доказательство это то, что найденные до сих пор в Бурятии рукописи содержат в себе только первые девять глав. Бурятские устные версии Гесериады необходимо изучать как составную часть всей центрально-азиатской литературы о Гесере как книжной, так и устной, выявить специфические особенности бурятской Гесериады, выявить общее с книжной версией и версиями других народов, а также выяснить связи Гесериады с прочими циклами бурятских же эпических произведений.

IV

В письменной, книжной литературе бурят мы не находим произведений, которые внешне напоминали бы улигер. Правда, у окинских бурят Г. Д. Санжеевым была найдена рукопись эпического произведения Каап Каганкии, представляющего собою версию одноименной былины, распространенной в рукописях на ойратском письменном языке среди ойратов север-западной Монголии. Эта, привезенная Г. Д. Санжеевым, рукопись содержит типичную былину, но рукопись эта не бурятского происхождения, но халха-монгольского: слишком ясно выдает это и орфография и язык. Таким образом эта находка является исключением.

Зато бурятская книжная литература богата сказаниями или преданиями, восходящими, повидимому, к большой древности, в которых историческая правда причудливо переплетается со сказаниями, фантастическими элементами.

Прежде всего упомянем хорошо известную «Историю шаманки Асуйхан» (см. Н. Н. Поппе. Описание монгольских «шаманских» рукописей Института Востоковедения. Зап. Инст. Востоковед. I, стр. 195, ср. А. Позднеев. Образцы народной литературы монгольских племен. СПб., 1880, стр. 264), являющуюся родословной бурят и представляющую собой легенду о происхождении родоначальников бурят — Булгата, Хорёдоя и Эхрита. Эта легенда вошла во многие бурятские исторические хроники, которые, как мы увидим дальше, изобилуют эпическим, легендарным материалом.

Другое эпическое произведение, дошедшее до нас в старых бурятских рукописях начала прошлого столетия, это предание о Бубей Бейле и Бальджин Хатун (см. Позднеевскую Монгольскую хрестоматию, стр. 47 и сл.), в котором сохранилось много весьма древних элементов, как, напр., сведения о битвах бурят одиннадцати родов с тунгусами. Произведение это, в течение долгого времени передававшееся устным путем, восходит, по всей вероятности, к начальному периоду проникновения к бурятам феодализма, когда хори-буряты стали данниками одного героя этого произведения Дай хонтайджи. Изучение этого предания является одной из насущнейших задач особенно теперь, когда нас живо интересует вопрос о пережитках в экономике бурят как феодальных, так и родовых, наряду с неизжитыми окончательно капиталистическими элементами ее, так как подобного рода произведения являются, помимо всего прочего, ценными историческими документами, в которых многое основано на исторической правде.

В названном только что сказании о Бубей Бейле и Бальджин Хатун упоминается про одного хорошо известного в песенной поэзии героя —

Шилдей Занги, о котором существует ряд песен эпического характера, каковые распространены как среди агинских, так и селенгинских бурят. Этот Шилдей Занги, согласно преданию, в первой половине XVIII ст. погиб за самовольный переход границы, будучи казнен русскими (Позднеев, цит. соч., стр. 202). И вот здесь мы наблюдаем соприкосновение книжных исторических преданий с песенной поэзией бурят-монголов, что совершенно понятно, ибо предание и песня суть лишь разные формы, в которых содержание как в смысле излагаемых фактов, так и в смысле идеологическом одно и то же.

Как сказано, многие из преданий вошли в бурятские исторические сочинения. Вторая половина XIX века, как это можно смело утверждать на основании дошедших до нас литературных произведений, является периодом несомненного национального подъема в феодальных кругах Бурятии, среди ее нойоната и высшего ламства. Чем он вызван, нам пока неизвестно, но дело обстоит повидимому так. Этот период ознаменовался в частности и в особенности мощным литературным подъемом и дал ряд блестящих для своего времени писателей в исторической области. Ломбо Церенов, Тугультур Тобоев, Вандан Юмсунов, Хобитуев — вот далеко неполный перечень бурятских историков-хронистов, среди которых, пожалуй, наиболее крупной фигурой является Вандан Юмсунов. Эти авторы сумели сочетать громадную начитанность с элементами критического подхода к предмету, поскольку мы находим у них ссылки на ряд документов степных дум, о которых они сообщают такие подробности, как даже номер и дату. И Вандан Юмсунов и все прочие своеобразные историки бурят являются блестяще образованными и незаурядными представителями господствующего класса феодальной Бурятии. Изучение их является, конечно, не столько задачей литературоведа, сколько историка, в частности историка бурятской культуры в широком смысле слова, хотя их блестящий стиль, образный, очень четкий и строгий язык делают их близкими литературоведу. А многочисленные сообщаемые ими легенды о происхождении бурят и т. д. и отрывки несомненно эпических произведений заставляют литературоведа внимательнее присмотреться к ним, как, с другой стороны, ценнейшие сведения о шаманстве хори-бурят делают труд Вандана Юмсунова незаменимым для этнографа.

V

Необходимо несколько остановиться еще на одном виде литературы, одинаково относящемся и к фольклору и к письменной литературе, а именно на шаманском творчестве.

Прежде всего необходимо отметить, что шаманство отнюдь не следует понимать только как религиозную систему. Шаманство, конечно, представляет собою систему первобытных верований, но не только, ибо на ряду с культовой стороной, с религией оно включает в себя очень много такого, что не является религией. Шаманство есть особое мировоззрение, включающее в себя и религию — веру в сверхестественные существа, культ их, рецепты их умилостивления и т. д., но также примитивную космологию, медицину и т. д. Правда, все это имеет религиозный налет, поскольку весь внешний мир по шаманским воззрениям находится в зависимости от разных зайнов и тенгриев, но, повторяем, все же шаманство включает в себя не только культ. Шаманская мифология, предания о древних шаманах, сказания о возникновении мира и всего живого часто напоминают нам богатую мифологию античного мира, которая включает, правда, в себя религиозные элементы, но все же религией не является, поскольку рядом с мифологией существует еще культ. Эти шаманские произведения часто совершенно неразрывно связаны с эпической литературой и по своей внешней форме совпадают с ней, представляя собой безусловно высшие образцы старой поэзии.

Бурятское шаманство очень сложное и проделало длительный путь развития. Как всякое шаманство, оно сохранило в себе первобытнейшие элементы, но вместе с тем в нем заметно много разных напластований. В этом отношении наблюдается полная аналогия с эпической литературой. Дело в том, что на бурятском шаманстве, являющемся в основном идеологией родового общества и унаследованном бурятами от периода родового, очень сильно отразились более поздние феодальные элементы. Переход древних бурят от охотничьего быта к скотоводству отразился в смысле появления многочисленных скотских богов, или, быть может вернее, на переход более древних функций тех или иных божеств в функции скотоводческих богов, как, напр., *Guzer tengri*, который у агинских бурят считается покровителем рогатого скота, или *Ataa tengri*, который у тех же бурят играет роль божества-покровителя конских табунов. Далее, очень сложная иерархия божеств, из которых одни носят эпитет хана, другие нойона, третьи тайджи, различия тенгриев, зайнов и т. д., все это указывает с полной несомненностью на то, что здесь мы имеем отражение иерархии феодальной, отражение феодальной зависимости одних правителей от других. С другой стороны, бурятское шаманство испытало весьма сильное влияние со стороны буддизма, впитав в себя многочисленные элементы тантризма. В пояснение этого утверждения укажем, что шаманство предстоит перед

нами, с одной стороны, в устном творчестве, в шаманском фольклоре, а с другой стороны — в ряде произведений книжных. Носителями шаманского фольклора являются немногочисленные уже шаманы, а также нешаманы по профессии, большей частью престарелые люди, среди которых имеется довольно много знатоков бурятской старины. Этот шаманский фольклор включает в себя культовые произведения, своего рода священные гимны, напр., призывания (*durdalga*) божеств, устраиваемые во время обряда посвящения шамана (*ᠰапар*), и т. п., а также песнопения, воспевающие деяния древних шаманов, гимны, посвященные различным героям в буквальном смысле этого слова, в котором оно применяется к героям греческой мифологии, как, напр., «Тринадцать северных нойонов» или «Тринадцать владетелей Ольхона».

Что касается книжных произведений шаманской литературы, то таковых известно довольно много. В этих произведениях чувствуется довольно сильное влияние со стороны буддизма, чему способствовало, повидимому, то обстоятельство, что ламы в начальный период распространения в Бурятии буддизма часто объявляли то или иное шаманское божество буддийским, ставили знак равенства между таким-то божеством шаманского пантеона и буддийским и причисляли такое-то шаманское божество к лику буддийских божеств, совсем как средневековые проповедники христианства, сделавшие из скотьего бога Велеса святого Власия. Таким образом в шаманских рукописях Гужир тенгри отождествляется с буддийским божеством Махагалой и т. п. (ср. Поппе, цит. соч., стр. 155). Многочисленные *dhāgaḍi*, включенные в текст таких книжных гимнов, ясно свидетельствуют о громадном влиянии тантризма на это полуламское, буддизованное шаманство. Все эти моменты требуют очень тщательных исследований.

Другое, на что нам хотелось бы обратить сугубое внимание, это несомненные следы культа Чингисхана и крупницы историчности в бурятском шаманстве. Дело в том, что в шаманстве агинских бурят, с одной стороны, и у эхритов, с другой стороны, нам удалось обнаружить в шаманских гимнах упоминания ряда исторических личностей. Так, напр., божествами огня даже у западных бурят являются *Sagaadaḍi ɔbɔgɔn* и его жена *Sankalan Kataḍa*, в которых не трудно узнать Чагадаю, сына Чингисхана, и его жену Чанхулан, которые упоминаются в ряде монгольских исторических сочинений. Соприкосновение шаманства с Гесериадой тоже наблюдается: вспомним имя одного из «Тринадцати северных нойонов» Шумара, не случайного тезку одного из витязей Гесера в книжной версии Гесериады. Возвращаясь к буддийским влияниям, укажем, что буддийский культ драконов

nāga проник даже к западным бурятам, где nāga называются Uhan Lubsan kaad, где Lubsan kaad очевидная контаминация монгольского lusun kaad (цари драконов) и буддийского имени Lubsan.

Как видно, и здесь фольклор настолько тесно переплетается с книжной, письменной литературой, что было бы насиллем отрывать их друг от друга и изучать их изолированно одно от другого.

VI

Старая феодальная бурятская литература замечательна еще одним видом произведений, относящихся лишь отчасти к так называемой изящной литературе. Имеем в виду богатую для своего времени географическую, если ее так можно назвать, литературу, представляющую собою дневники-описания путешествий-паломничеств в Тибет к буддийским святыням. На эти путешествия отчасти возлагала некоторые надежды политика дальневосточной экспансии царской России, но справедливость требует отметить, что лишь очень относительно, так как о большинстве таких хождений в Тибет власти даже ничего не знали. Интересно отметить, что о большинстве таких паломничеств в литературе нет никаких сведений, хотя совершившие их оставили дневники, в ряде случаев очень подробные и содержащие интереснейшие описания виденных стран и народов и изобилующие безусловно художественными описаниями, а потому могущие считаться образчиками художественной описательной литературы

В историю путешествий на восток вошел лишь один путешественник-бурят, а именно цонгол Заяев, совершивший паломничество в Тибет в 1741 г., ставший впоследствии главою бурятского буддийского духовенства и сыгравший огромную роль в истории распространения буддизма в Бурятии. Заяев составил описание путешествия на монгольском и тибетском языках (см. Хрестоматию Позднеева, стр. 29 и сл.). Как справедливо отметил историк, путешествие это прошло незамеченным со стороны правительства и образованного русского общества XVIII ст. (В. Бартольд. История изучения востока в Европе и в России. Изд. 2-е, Л. 1925, стр. 225—226). Если не считать хорошо известного путешествия в Тибет Г. Ц. Цыбикова, описавшего его на русском языке, остальные путешествия, паломничества и хождения бурят-пилигримов в Тибет и другие святые места являются совершенно неизвестными даже исторической литературе.

Сто сорок лет спустя после паломничества первого бурятского путешественника, в 1882 г. начал свое пятилетнее путешествие лама Лубсан Миждод из Селенгинского ведомства. Путь его лежал в Тибет через Халху, Внутреннюю Монголию, Китай, Амдо в Уи, в монастырь Банчена Богдо, в Гандиса, Непал и т. д. Описание этого путешествия по отзыву Ц. Ж. Жамцарано является одним из самых блестящих (см. *Musei Asiatici Petropolitani Notitia VII*, стр. 055).

Жамцарано было записано со слов агинского бурята Лудуб Андагаева описание его путешествия по Тибету и Непалу (см. там же, стр. 059), а Б. Б. Барадин в 1904 г. изложил письменно со слов путешественника повесть о хождении в Тибет, Непал и Индию ламы Гончик-Джал Занги-яина (см. там же, стр. 069). Последние два описания принадлежат, собственно говоря, не самим путешественникам, а потому для нас менее интересны, так как они не передают в точности переживаний и настроений паломников, наблюдавших воочию описываемые в этих повествованиях реликвии.

Названные описания путешествий, содержащие очень много личного и передающие субъективное отношение авторов их к виденным святыням и красотам природы посещенных мест, безусловно имеют право быть отнесенными, хотя бы отчасти, к художественной литературе. Издание этих произведений и тщательное изучение их является на наш взгляд вполне назревшей, очередной задачей.

VII

Такова в общих чертах дореволюционная литература бурят-монголов, которую мы в основном можем смело назвать феодальной. Эта феодальная литература обнимает собою, как мы видим, довольно много разных видов литературы, которые очерчены весьма неполно. Так, напр., говоря о фольклоре, можно было бы указать на богатый сказочный фольклор, на различные виды народных песен, на загадки и пословицы. Говоря о книжной литературе, следует еще отметить, что в Бурятии кроме упомянутых произведений имели широкое распространение многие произведения, занесенные из Монголии, в том числе ксилографические издания внутренне-монгольские и пекинские. Только одно из таких произведений, относящихся к художественной литературе, хотелось бы отметить, это «Повесть о царе Гэснэ», представляющую собою продолжение хорошо известной *Vikramāditya* и входящую в состав трилогии Бигармиджид — Гэснэ — Арджи

Бурджи. Интересно отметить, что эта индийская, по своему происхождению, повесть известна нам исключительно по старым бурятским рукописям, в то время как обе другие части трилогии, наоборот, распространены в Монголии, из которых лишь Арджи Бурджи известна и бурятам и монголам и даже калмыкам.

Как видно, бурятская феодальная литература относительно богатая. Она нам мало известна и мы не имеем исследований о ней. Планомерное изучение ее, с привлечением всего богатства имеющегося в нашем распоряжении материала, является вполне своевременной задачей и изучение ее актуально, ибо актуально все в зависимости не от того, что мы изучаем, а от того, как мы его изучаем.

Феодальная, по существу, дореволюционная культура бурят-монголов, характеризующаяся многочисленными родовыми пережитками, естественно не смогла подняться над уровнем культур феодального периода. Это отразилось и на литературе. Тематика бурятской феодальной литературы не слишком разнообразна. Мы не находим в ней драмы, новеллы, романа, не знаем иной лирической поэзии, как лирические народные песни. Кроме повестей, описывающих действия и похождения сверхъестественных существ или героев, одаренных сверхчеловеческими способностями, мы иных повестей не находим. Силен религиозный момент. Художественные описания путешествий, мемуары посвящаются исключительно паломничествам, хождениям по святым местам. Авторы их исключительно ламы. Авторы, или, вернее, записыватели исторических преданий — тайши, зайсаны и другие представители феодальной аристократии. Литература живет и развивается исключительно в среде феодалов, среди бурятского нойонства и ламства.

Феодальная по своему содержанию дореволюционная бурятская культура, получившая, конечно, некоторый налет более новых капиталистических отношений в Бурятии, уступила свое место культуре революционного периода, периода построения социализма. Если дореволюционная культура была в основном феодальная по содержанию и имела до известной степени свою бурятскую национальную форму, то на смену ей идет социалистическая по содержанию и национальная по форме культура. Не сразу победила последняя и утверждать, что первая уже вытеснена совсем, мы пока еще не можем. Говоря о революционном периоде истории бурят-монгольской литературы, следует отметить, что лишь с Октябрьской революции мы наблюдаем появление беллетристики в прямом смысле этого слова. Хотя, как мы видели, и феодальная литература создала ряд произведений,

обладающих высокими художественными качествами, тем не менее преобладание религиозной или сказочно-эпической тематики налагает на нее в целом весьма своеобразный отпечаток. Лишь послеоктябрьская бурятская литература сумела создать новеллу, роман и особенно драму, лишь она сумела создать стихотворение в противоположность прежним эпическим героическим сказаниям и народным песням. Это относится, так сказать, к внешней, формальной стороне. Нечего и говорить, что тематика советской бурятской литературы в корне отличная от феодальной. Жизнь масс, быт бедноты, классовая борьба в деревне и городе, индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства, происки классового врага— вот тематика революционной бурятской литературы, доминирующая также в современном революционном фольклоре, изобилующем различными видами песен на эти же темы. Но, конечно, не все так гладко и просто на самом деле, как это может показаться при беглом знакомстве с современной бурятской литературой: подлинно-революционная литература, действительно отражающая наше время построения социализма, явилась не сразу и не на пустое место, но на место, где некоторые корни пытались пустить различные мелко-буржуазные тенденции в литературе, где порой были сильны нацдемовские настроения. На месте феодальной литературы сначала показались некоторые ростки националистической буржуазной литературы, выражавшей интересы капитализирующихся элементов бурятского улуса, вступивших в борьбу с феодальным укладом его. Первые признаки этой борьбы на литературном фронте относятся еще ко временам революции 1905 г.

Буржуазно-демократическое течение в литературе явилось господствующим и в течение первого периода послеоктябрьской эпохи (1917—1922 гг.). Этот буржуазно-демократический этап в истории бурятской литературы характеризуется известной романтичностью в воспевании красот родной своей бурятской страны. Буржуазно-демократический характер этой литературы выражается в некотором отходе от современности: не строительство фабрик и заводов, не классовая борьба, не показ борьбы за социалистическую реконструкцию улуса влекут ее, но отход в степь, в дальние степные улусы с их многовековым укладом, на почве которого могли бы развиваться национально-буржуазные элементы. Литература этого периода представлена буржуазно-националистической интеллигенцией — Солбонэ Туя, Барадин, Намжилон, Ч. Базарон. Критик этого течения С. Ширабон (Литература Бурят-Монголии за десять лет. Советская Бурятия, 1933 г., № 1, стр. 43 и сл.) справедливо подметил, что стерж-

нем всех вопросов, которые ставили себе представители этого течения, являются интересы улуса. Характерным для них оружием является сознательное затушевывание действительности и классовой борьбы, агитация против города (понимай пролетариата).

Подробный анализ этой буржуазно-националистической литературы нас завел бы слишком далеко. Точно так же в наши задачи не входит произвести этот анализ и в отношении революционной советской литературы, ибо попытка сделать это в небольшой статье общего характера явно обречена на неудачу. Это тем более так, что до сих пор литература эта даже не выявлена как следует и не систематизирована. Мы не имеем даже более или менее полного списка наиболее известных писателей и поэтов. Поэтому мы ограничимся в дальнейшем попыткой дать небольшой обзор послеоктябрьской литературной продукции бурят-монголов и наметим лишь некоторые задачи в области изучения ее. Мы должны, однако, сделать оговорку, что художественная литература сильно рассеяна в разных изданиях, из которых далеко не все нам доступны, почему обзор не может претендовать хотя бы на приблизительную полноту.

VIII

Как сказано выше, первый этап послеоктябрьского периода истории бурятской литературы, является этапом буржуазно-демократическим. Этот этап представлен рядом писателей и поэтов.

Начнем с Солбонэ Туя (Solbonoi Tujaa). Этот весьма крупный поэт, создавший не только ряд блестящих стихотворений, но также повестей в прозе, представляет собою очень редкое явление, поскольку часть его произведений написана по-русски, а другая по-бурятски, причем и те и другие одинаково высокого в поэтическом отношении качества. Из его произведений на русском языке лишь упомянем хорошо известную книгу его стихов «Цветостепь» (Чита, 1922), чтобы перейти к его произведениям на бурят-монгольском языке. К лучшим стихотворениям его принадлежит поэма *Balar erte sagiin Balta Mergen Kybuun* (на сюжет д'Эрвильи. Приключения доисторического мальчика). В области произведений на бурятском языке более обильно представлена проза. Из рассказов его следует отметить *Dugaiin kybuun Dorzo* (Доржи, сын Дугара), *Сесег* (Цецек) и блестящий авторизованный перевод книги Фурманова «Мятеж» (Yimeen).

Оригинальные произведения Солбонэ Туя довольно однородны. Цитированная выше книга его стихов на русском языке воспеваает степь, кра-

соты байкальской природы, старую, уходящую Бурятию и свидетельствует о самоотгораживании автора от современности, о понимании задач национального искусства в буржуазно-национальном духе.

Переходим к Батоцырену. Из его произведений в первую очередь следует упомянуть блестящую по стилю и художественному качеству языка повесть *Casan Şuurgan* (Мятедь).

Samandabadaга является автором ряда повестей, из которых особенной популярностью пользуется рассказ *Senge Baabai* (Смерть богатого бурята). Из более мелких произведений укажем *Argatai ajaңsan* (Хитрый путешественник).

Художественная литература, выражающая по настоящему интересы трудящихся, возникла в начале советизации Бурятии. Революция выдвинула ряд молодых, преданных революции писателей. Естественно, что вышедшим из массы, которой не были доступны ни просвещение, ни искусство, было не легко овладеть искусством, подчинить его себе. Далеко не все революционные писатели стоят, поэтому, одинаково высоко в отношении художественной ценности их произведений. Понятно также, что на первых порах молодые революционные писатели избегали крупных и сложных тем. Отсюда мы наблюдаем явное преобладание революционной частушечной поэзии над другими видами поэтического творчества. Многие из таких произведений проникли в широкие слои крестьянства и перестали уже выделяться на общем фоне революционного фольклора.

К ряду революционных, советских писателей принадлежат Хуца Намсараев, Б. Абидуев, Б. Базарон, Дондубон, Нимбуин и др.

Намсараев является очень популярным писателем, автором многочисленных, талантливо написанных повестей и рассказов, а также стихотворений. Из повестей его упомянем *Melkidөг lama, mөrgөdөг konin* (Как овца наказала ламу), *Ezen ba bool* (Хозяин и раб), *Kara çaraita* (Чернолицый), *Өмсө ба kamta* (Едилично и коллективно), *Kubilzaganiin kurical* (Страсть паразита), *Өвөсөдиин үкел* (Смерть сирот), *Duraskaalta nөkөr geze domog, Seerpe mooloto* (Серп и молот). К числу опубликованных им стихотворений относятся *Lama* (Лама), *Ula zula kojor, Kагankui* (Тьма), *Өвөгөн Gelengiin үге* (Слово старика Гелюна), *Zigandai өвөгөн* (Старик Жирандай), *Kреemli* (Кремль), *Zөblөltө Kitad* (Советский Китай), *Uлаан ачаа* (Красный обоз), *Burinad орон* (Бурятия), *Koninii duun* (Песнь овцы), *Kиurmagciin өсөс* (Конец обманщика).

В творчестве Намсараева особенно ярко выступает антирелигиозный момент. Как многие повести его, так и стихотворения написаны на анти-

религиозные темы. Многие из его произведений предназначены для детей и составляют ценный вклад в пока еще необширную бурятскую детскую литературу.

В ряду бурят-монгольских революционных в полном смысле этого слова авторов особое место принадлежит писателю С. Дон (Дондубон), сразу выдвинувшемуся на видное место благодаря своей повести *Kirtesen saga* (Затмение луны), представляющей собою, безусловно, выдающееся явление во всей истории бурятской литературы. Эта повесть посвящена борьбе за колхозы, борьбе за середняка, который, не имея с самого начала четкого пути, колеблется между старым и новым. В конце концов колебания разрешаются в пользу нового, и колхозный строй в жизни этого середняка побеждает, кладет конец всем его сомнениям. Замечательна эта повесть, несмотря на некоторые мелкие недочеты, своей тематикой, подходом к проблеме, а также своим языком, ибо следует заметить, что это первое крупное произведение на латинизированном алфавите и новом литературном языке. Автору этой повести принадлежат еще более мелкие произведения, как *Çusata Kiudalga* (Кровавое побоище), *Kereg bytebe* (Дело сделано), *Kosogon kojor biçegiin tuuke* (История двух писем).

В ряду поэтов занимает видное место *Doljoon Madasoon*, опубликовавший в 1932 г. книжку стихов *'Kabariin gerel* (Весеннее сияние) и помимо того выступавший на страницах периодической печати. Трактор, колхоз, коммуна — вот тематика его разнообразных стихотворений. Автор — западный бурят.

Бавасун Абидуев является не менее плодовитым поэтом. Его сборник стихов *Naganii tujaa* (Солнечный луч), вышедший в свет в 1931 г., по своей тематике родствен только что упомянутому — Октябрь, Сталин, Коминтерн, крестьянин, газета «Правда», аэроплан.

Шираб Нимбуин, автор многочисленных стихов, вышедших в свет на страницах различных журналов и сборников: *Gabşagai Mөriicөө* (Соревнование), *Tuulgan kaiga* (1905 год), *Tarilgiin ekin* (Начало сева), *Baigal* (Байкал), *Ulaan асаа* (Красный обоз). Тематика его ясно видна из заглавий. Ему же принадлежат несколько повестей, напр., *Jaduu buriaadiin өndiisenii uliger* (Повесть о том как поднялся бедняк-бурят), *Norbiin Dulma* и др. В значительной степени антирелигиозным поэтом является В. С. *Losoliin*, которому принадлежит также большое количество стихотворений и на разные другие темы, напр., *Janvaagiin jysen* (9-е января), *Gabşagaiçalajaa* (Станем ударниками!), *Kaartaçan* (Картежник), *Сагаалга* (антирелигиозное на тему об обряде цагалга), *Erdem ba şazan* (Наука и религия), *Zoboson*

bide (Мы истрадавшися), Zurag (Картина), Dirizaabl (Дирижабль), Sojoliin dobtolgo (Кульштурм), Latiin yseg (Латинский алфавит), Niigem zuramiin meгiiсөө (Соцсоревнование). Такова же тематика Г. Д. Нацова, перу которого между прочим принадлежит *Вагацууд куварагууд* (Дети хуvaraки), *Malčan kyбуунii uge* (Слова мальчика-пастуха), *Yulter* (Порода) и т. д.

Количество бурятских поэтов и писателей в настоящее время значительно превышает наши возможности хотя бы вкратце перечислить всех их и их произведения. Ограничимся лишь указанием еще на то, что революция создала совершенно новый для бурятской литературы вид произведений, а именно драматические произведения. Дореволюционной бурятской литературе драматическая пьеса за редким исключением была чужда. Иных видов кроме религиозных мистерий — цамов буряты не знали. Лишь с момента Октябрьской революции появляются драматурги, вначале буржуазно-демократические. В 1925 г. появляется пьеса Д. Р. Намжилона *Киуцан кубилба, kuuli шинелбе* (Обновление), в 1926 г. его же *Munkag baidal* (Темная жизнь). В том же 1926 г. выходит в свет его пьеса, написанная совместно с известным бурятским ученым Б. Б. Барадиным, «Жигдэн или прежние господа» (*Uridanai pojod*). В течение все этого же года выходят в свет еще пьесы Ч. Базарона *Каартацан* (Картежники), написанная им еще в 1912 г. и представляющая собою, как сказано в предисловии от редакции, «первую пьесу на родном языке среди восточных бурят», и *Tarigaan* (Хлеб); пьеса И. Г. Дадуева *Sursan dalai, suraa-gyi balai* (Ученье свет, неученье тьма). Вслед за тем мы имеем пьесы *Ynenii bajar* (Торжество правды) Абагайн Тургена (1927 г.) и *Sagaalgan Номтоева* и *Содномова* (1930). Особенно важно отметить появление с 1931 г. пьес на латинизованном алфавите и на новом литературном языке на основе разговорного. Таковы *Moridiin ukaan* (Затея лошадей) Михаханова, *Darlalta* (Гнет) Санжина, *Niudarganii ааза* (Кулацкая затея) Доржиева, *Tasaldal* (Прорыв) и *Шине зам* (Новый путь) Балдано, «Барьеры» Миронского и Шадаева и др.

Говоря о писателях и их главнейших произведениях, следует еще отметить, что за революционные годы появилось некоторое количество литературных сборников, в которых вышли в свет повести и стихи очень многих авторов. Эти сборники — художественные альманахи — явление совершенно новое и дореволюционному бурят-монгольскому книжному рынку неизвестное.

В 1927 г. вышел в свет альманах *Uran ügesün cimek*, изданный Бурят-Монгольским Ученым комитетом, в котором наряду с бурятскими писателями участвовал и монгольский писатель Буян-Немеху. Среди участ-

ников этого сборника мы находим Самандабадара, Солбонэ Туя, Дадужева, Бато Церэнова и Цедэн Дамба. Высокохудожественные по форме произведения этого сборника страдают большими недостатками в том смысле, что подход у авторов к разрешаемым проблемам старый, буржуазно-демократический. В этом отношении значительно удачнее опыт альманаха Уган зокіоолин алманаака (Верхнеудинск, 1932), посвященного пятидесятилетию Октябрьской революции, в котором мы находим повесть Х. Намсараева *Duraskaalta nekog geze domog* и главу из упомянутой выше повести С. Дон'а *Kirtesen saga*. Что особенно следует отметить, это наличие произведений переводных — М. Горького и одного из стихотворений В. Маяковского. То же самое можно сказать о сборнике *Kabariin ugiaa* (Весенний призыв), посвященном колхозному строительству и содержащем стихи «Первая борозда», «Слово трактора», пьесу «Нет дыма без огня» и др. ряда лучших бурятских писателей. Прекрасный сборник художественных произведений, посвященный национальному бурят-монгольскому кавалерийскому дивизиону, был выпущен к десятилетию Бурят-Монгольской АССР. Сборник этот озаглавлен *Ulaan tugta divizioon* (Краснознаменный дивизион). Участвуют в нем Х. Намсараев, Д. Дашинамаев, Балданжабон и Абдаин, из которых последний дает интересное собрание стихотворений о Красной Армии ряда поэтов.

Специальный сборник стихотворений начинающих поэтов-рабселькоров газеты *Унел* представляет собою книжка *Уган syleguudiin deeze* (Верхнеудинск, 1931), в котором участвуют, на ряду с начинающими, уже хорошо известные нам Х. Намсараев, Балданжабон, Лосолин и др.

Безусловно горячего одобрения заслуживает выпуск в свет литературной хрестоматии, предназначенной для школы, в отдельных выпусках которой мы находим лучшие произведения Х. Намсараева, Нимбуина и др., на ряду с отрывками переводов из Фурманова, и т. д.

Как видно, в современную бурятскую литературу уже вошло некоторое количество переводных произведений из сокровищницы мировой и советской литературы, как-то Горький, Маяковский, Фурманов. До революции бурятский читатель не имел в своем распоряжении никаких произведений мировой литературы, если не считать переводов двух рассказов Л. Н. Толстого — «Бог правду видит да не скоро скажет» (СПб., 1914) и «Карма» (Петроград, 1916), вышедших в свет в переводе Б. Б. Барадина. Можно особенно даже не указывать на то, что из серии всех произведений Толстого переведенными оказались лишь эти относящиеся к разряду так называемой нравственно-религиозной литературы.

Последнее, на чем следует остановиться, это на детской художественной литературе, которая до революции у бурят не существовала. В настоящее время имеется значительное количество книг для чтения для детей, из которых некоторые уже упоминались, как, напр., литературная хрестоматия. Ряд рассказов для детей Х. Намсараева и других вышел в свет так же отдельно. Некоторые такие произведения выходили также в пионерской газете *Леэпинеі асарар*.

Таков беглый перечень того, что дала в области художественной литературы Октябрьская революция. Проанализировать всю эту литературу, проникнуть в глубь ее, вскрыть все ее достоинства и недостатки, является насущнейшей задачей. Мы смогли в настоящей небольшой статье лишь слегка скользнуть по поверхности ее и наметить лишь некоторые, возможные пути исследования бурятской литературы вообще. Бурятское литературоведение еще не построено. Пути эти еще не проложены. Почти все придется проделать с самого начала. Тем более заманчивой и увлекательной должна быть работа по поднятию этой, еще не тронутой целины.
